

НИКОЛАЙ ПЛОТНИКОВ

Владимир Калиниченко был философом свободы.

Эта фраза звучит слишком пафосно, и тем не менее она, по моему убеждению, выражает существо духовного опыта этого, столь рано ушедшего от нас, мыслителя. Мы не найдем среди его работ пламенных апологий свободы в духе Сартра, Фихте или Бердяева. Или подробных методических определений и обоснований понятия свободы в духе Канта. И все же именно событие свободы как *самостоятельного акта мысли* было основной темой его философской рефлексии.

Нужно представить себе атмосферу позднесоветской философии с ее тотальным конформизмом и постепенно все захватывающим цинизмом в отношении любого проявления свободной мысли, чтобы понять, сколько интеллектуального мужества требовалось для того, чтобы следовать в своем духовном опыте кантовскому императиву «мысли самостоятельно». Это удалось немногим, почти единицам, оказавшимся способными мыслить вопреки господствующим правилам, определявшим ситуацию публичного безмыслия.

Калиниченко стал одним из ярких выразителей этого опыта свободы, свободного акта мысли в ситуации добровольного отказа большинства от какого-либо самостоятельного суждения. Именно в этом он состоялся как философ. И именно поэтому он занят во всех своих работах бережным сохранением этого драгоценного опыта сознания, постоянно подвергающегося опасности быть захваченным анонимными силами общества, культуры, истории. Феноменологическая редукция становится в его произведениях защитным средством, позволяющим уберечь акт свободной мысли от вторжения стихий тотального. И будто проверяя, надежна ли защита, он всякий раз спрашивает себя, как возможно осуществление этой редукции, не оказывается ли она иллюзией, диктуемой нам извне неким коллективным субъектом. И придирчиво разбирает Гуссерля и философов трансцендентальной традиции, пытаясь найти следы и метки, по которым можно отличить подлинно свободный акт мысли от его анонимных суррогатов.

В этом внимании к возможности выражения опыта свободы проявляется другая характерная черта мысли Владимира Калиниченко. Требуя очищения сознания от анонимных стихий, он понимал, что редукция заключает в себе и иную опасность — она обрекает мысль на безъязычие, на интеллектуальную немоту, неспособную возвысить голос против автоматической говорильни советского философского новояза. Владимир слишком хорошо видел эту опасность мыслительного тупика, в котором оказались очень многие честные представители его поколения, отказавшиеся мыслить по официально навязанным правилам, но ушедшие в пространство кухонь, интеллектуальных ниш и нирванического молчания. Чтобы свободный акт мысли состоялся, он должен обрести язык, проломив бетонные пласты категорий диамата. Но этот язык не может быть и просто заимствованным из чужой традиции — он должен быть языком, апроприированным мыслью, ее собственным языком. И Владимир осторожно, шаг за шагом пробует пути возвращения мысли, прошедшей сквозь очищение феноменологической редукцией, в пространство истории, культуры и общества — туда, где мысль сможет обрести свой язык. Пробует, обращаясь в своих работах к традициям герменевтики, Дильтея, Бахтина и русской философии, чтобы найти те формы языка, в которых мысль сможет обрести свою прочность и самостояние. И всякий раз задается озабоченным вопросом, не обманываем ли мы себя, сохраняется ли в этих формах свобода мыслительного акта.

Эта трагическая борьба с господствующим языком при одновременном понимании опасности безъязычия составляет один из самых ценных опытов, которые запечатлены в работах Владимира Калиниченко. В работах, которые являют сочетание осторожности анализа с интеллектуальным упорством в поиске условий возможности свободного акта мысли — добродетелей, слишком часто игнорируемых современным философствованием, почти забывшим о той мучительной сложности обретения свободы сознания и потому готовым снова надеть на себя ярмо государственно-идеологического официоза. Поэтому мысль Калиниченко звучит для нас сегодня еще и как философское предостережение — помнить о том, какие опасности встречаются на пути свободной мысли.

Владимир Валентинович Калиниченко родился 8 февраля 1948 года в г. Неман Калининградской области. В 1973 году окончил Физический факультет Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского по кафедре теоретической физики. Диплом защитил по философским вопросам физики (научный руководитель А. И. Алешин). Работал ассистентом кафедры физики, а затем философии ВятГУ (тогда Кировский государственный политехнический институт), затем поступил в аспирантуру Института истории естествознания и техники, где его научным руководителем был М. К. Мамардашвили. После окончания аспирантуры преподавал философию в различных московских вузах, затем на кафедре философии Историко-архивного института. В РГГУ был преподавателем кафедры истории зарубежной философии Философского факультета. В 1999 году переехал в Киров, работал проректором по науке в Вятском социально-экономическом институте, затем директором Кировского филиала РГГУ. С 2004 года был доцентом кафедры философии и социологии ВятГГУ. Умер от инфаркта 2 мая 2008 года.

Список избранных работ В. В. Калиниченко

- Трансцендентализм и герменевтика // Проблема языка в современной западной философии. М.: ИФАН, 1984.
- О картезианской программе обоснования наук // Социально-гуманитарное познание и особенности его методологии. М.: ИФАН, 1984.
- Субъект и его сознание в философском анализе // О специфике методов философского исследования. М.: ИФАН, 1987 (в соавт.).
- Онтологические основания научного познания // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига: Зинатне, 1988.
- Выступление на круглом столе «Феноменология и ее роль в современной философии» // Вопросы философии. 1988. № 12.
- Методология гуманитарных наук в трудах В. Дильтея // Вопросы философии. 1988. № 4 (в соавт.).
- Феноменологическая редукция как путь: куда? // Мысль изреченная. М.: ИФАН-РОУ, 1991.
- Густав Шпет: от феноменологии к герменевтике // Логос. 1992. № 2.
- Язык и трансценденция // Логос. 1994. № 6.
- Философская традиция как парадокс // Философская традиция, ее культурные и экзистенциальные измерения (Материалы конференции). М.: РГГУ, 1994.
- Об одной попытке «децентрализовать» Мераба Мамардашвили // Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М.: Прогресс-Культура, 1994.

- Понятия «классического» и «неклассического» в философии М. К. Мамардашвили // Встреча с Декартом. М.: Ad Marginem, 1996.
- Имеет ли разделение наук о природе и наук о духе онтологические основания? // Вестник РГГУ. 1996. № 3.
- К метакритике понятия интенциональности у Эд. Гуссерля. Статья 1-я // Логос. 1997. № 10.
- Приключения трансцендентальной субъективности // Феноменологическая концепция сознания: проблемы и альтернативы. М.: РГГУ, 1998.
- Уставшая семиотика // Логос. 1999. № 6.
- Философ в конце истории // На посту. 1998. № 2.
- Проблема исторической рациональности и своеобразие Дильтея // Герменевтика – психология – история. Вильгельм Дильтей и современная философия. М.: Три квадрата, 2002.
- Понятия «классического» и «неклассического» в философии М. К. Мамардашвили. [Новая редакция] // Мераб Мамардашвили. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004.
- Послание Славоя Жижека: к новой политической культуре // Современные проблемы политической культуры. Киров: Кировский филиал Института бизнеса и политики, 2004.
- Выступление на Крутом столе «Линии и узлы» чтений памяти Г.П. Щедровицкого // Чтения памяти Г.П. Щедровицкого. 2003–2004 гг. М.: Школа культурной политики, 2004.
- Место Г.П. Щедровицкого в истории безумия XX столетия // Познающее мышление и социальное действие. М.: Ф.А.С.-медиа, 2004.
- Методологический проект психологии: замещение отсутствующего // Московский методологический кружок и отечественная психология. М.: Ф.А.С.-медиа, 2006.
- Заметки об интенциональности // Логос. 2007. № 6.